

ИСПОВЕДЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ

Для известного в стране и зарубежье историка-востоковеда, историографа, археолога и палеоастронома Виталия Епифановича Ларичева минувший год 2012-й стал четырежды юбилейным:

главный рубеж — 80-летие;

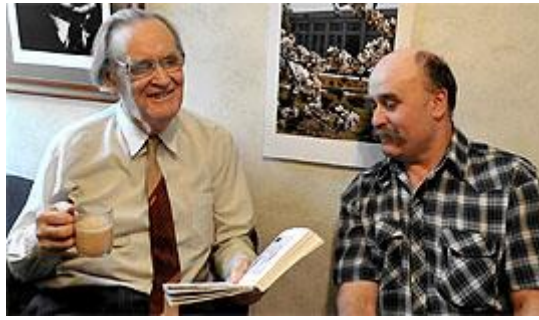
но и, помимо того, 50 лет непрерывной работы в Сибирском отделении АН СССР и СО РАН, сначала в Институте истории, филологии и философии, а затем в Институте археологии и этнографии;

40 лет творческого труда в статусе доктора исторических наук;

50-летие выхода в свет первой (из множества последующих) статьи в газете «За науку в Сибири» «Дорогами землепроходцев» (очерк о начале исследований сибирских археологов в зоне затопления Зейской ГЭС). Выходит, В. Е. Ларичев — старейший среди археологов автор нашей газеты и, понятно, редакция никак не могла обойти вниманием столь примечательный факт.

70-е годы, на заседании совета по защитах диссертаций ИИФФ: справа — Р.С. Васильевский (председатель), слева — В.Е. Ларичев (секретарь).

2013 г., интервью редактору «НВС».

Наступил 2013 год, и опять черед юбилеев:

60-й, без перерыва ни на год полевой экспедиционный сезон (первый, 1953 года, студенческий, третьего курса Восточного факультета Ленинградского университета (кафедра «История Дальнего Востока») — вёл раскопки в зоне затопления Иркутской ГЭС, а затем, в тот же год, на Дальнем Востоке, в Приамурье и Приморье;

45 лет назад вышла в свет научно-популярная книга, посвящённая путешествиям по степям и пустыням Центральной Азии;

грядет юбилей 60-летия выхода в свет первых научных статей (из сотен в последующем).

На днях случайно встретил его в коридоре издательства. Наскоро перебросились репликами:

— Публикуете очередную книгу? Какая по счёту?

Досадливо машет рукой:

— Суеверен, не считаю. Теперь заботы иные, чем прежде. Как бы это, следуя моде, правильнее сказать, — «либеральные», что ли? Или, лучше, пожалуй, «демократические». Нужны деньги на редактирование рукописи и печатание. По этому случаю спешу на деликатные переговоры с издательством.

— В поле едете? А интервью можно? Экспедиция, слышал, предстоит не рядовая, а юбилейная, шестидесятая. Как-никак, завершаете «Звериный временной круг» восточных мудрецов...

Истоки

— Как зарождается у человека интерес к археологии? Про себя могу сказать точно — мальчишкой после 2-го класса прочёл книгу некоего Ларичева «Азия далекая и таинственная: очерки путешествий за древностями по Монголии». К последней главе понял — учиться буду в НГУ и обязательно стану

археологом. Там, на гуманитарном факультете, читает лекции академик Окладников, руководитель экспедиций в Центральной Азии. С ним поеду в Гоби или на Орхон, в степную столицу чингизидов. Правда, путешествовать по Монголии с самим Алексеем Павловичем так и не успел, зато с автором «Таинственной...» — неоднократно и в одной машине. Итак, про себя знаю, как случается такое. А у вас что было?

— У меня, как теперь любят говорить юные, происходило круче, и не прямо, а наоборот — криво и весьма окольно. Определял жизненный путь в последние два года до получения «аттестата зрелости». Перебирал варианты, примеривал к ним желания и критически оценивал свои способности, чтобы мечты не остались пустыми грёзами.

Теперь осознаю — детские фантазии были обречённо несбыточными. А виноваты пристрастия, порождённые книгами. В школьные годы читал запоем всё, что находил в семейной, школьной, хуторской и станичной библиотеках. Я родом из донских земель, а там всегда любили и ценили знания. Это он, вольнолюбивый край, изуродованный до неузнаваемости и, опасаясь, сломленный навсегда кровавым экспериментом, породил великого Шолохова, станица которого, Вёшенская, находится в нескольких десятках километров от станицы Глазуновской, моего родового гнезда, где я завершал учёбу в последние три года. На хуторе Карагичев, где жил до того, была семилетка, вот и пришлось вернуться на прародину семейного клана, в долину реки Медведицы, где на противоположном берегу, в станице Зимовейской, бывали, согласно преданиям, знаменитые крестьянские бунтари — Емельян Пугачёв и Степан Разин.

Сама Глазуновская была знаменита на Дону тем, что в ней родился и проживал предтеча Шолохова на писательской ниве — мастер короткого рассказа и первых казачьих повестей, видный политический деятель Государственной Думы Российской империи Михаил Дмитриевич Крюков. Он защищал в ней интересы Усть—Медведицкого округа Донского края. В его дом привело меня известие о «несметном» собрании книг в библиотеке писателя, о котором я почти ничего не знал даже 20 лет назад. Он воевал в рядах белого казачества, почему имя его было в станице табу, книги не издавались, а вспоминают о нём теперь в основном лишь в связи с шизофренической «придумкой» недоброжелателей русской литературы и завистников по части чужой славы. Они доселе рыскают по строчкам «Тихого Дона» в поисках доказательств плагиата Шолохова у соседа по станице Крюкова. Не понимают — такое не принято и невозможно у глубоко совестливых в чести донцов!

Любовь к чтению у меня, видимо, генетически заложенная черта, ибо никогда и никем не принуждался к чтению насильственно. Согласно семейным преданиям, мой дед по матери, Степан Емельянович Мельников, был юморист, хитроумный выдумщик, изобретатель всяческих неожиданных прилад по домашнему хозяйству и страстный любитель чтения. Он частенько будоражил семейство глубокой зимней ночью, несдержанно шумно выражая

впечатления от прочитанного с теплой русской печи, где устраивался спать с керосиновой лампой и зеркалом, усиливающим тусклый свет. Бабушка, говорят, ворчала: «Да что уж ты там такое вычитал, чтобы так хохотать! Покоя от тебя нет ни днем, ни ночью...» Матушка моя, Анна Степановна, не владела грамотой до середины 30-х годов, но успешно освоила её, усердно посещая ликбез. Первые книги прочитаны мне ею. Я до сих пор помню их, люблю и готов при случае, для воспоминания о детских годах, перечитывать — «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона, «Сказки дядюшки Римуса» (очаровательные, полные тонкого юмора повествования о братьях меньших) и суровый роман из жизни шахтеров Франции «Жерминаль» Эмиля Золя.

У деда со стороны отца, Кирилла Семёновича, было три сына. Старший, мой отец Елифан Кириллович, взял на себя землепашное бремя содействия получения высшего образования младшими братьями — Владимиром и Прокопием. Из них первый был тем, кто формировал общесемейную библиотеку. Она концентрировалась у брата старшего. Книги её стали для меня первым наставляющим на жизнь началом, прежде всего, полагаю, духовно-нравственным, дополняющим и подправляющим «домостроевские» установки донского казачества. Всё это я назвал бы стихийным, искренним, по чистой любви, самообразованием. Склонность к нему стала постоянной, часто вынужденной, ибо, по счастью, пришлось несколько раз менять направление научной деятельности, сходить с пути для археолога понятного и ступить на опасные тропы точных наук, на которых неопытного по этой части гуманитария подстерегали всяческие коварности недопонимания.

Но вернусь к воспоминаниям о книгах, базовой ценности и самого сильного фактора развития ума и обретения знаний. Помню тяжеловесный том собрания сочинений Пушкина, изданный в 1937 г. к юбилею гибели поэта, и многостраничный фолиант литературных трудов русских писателей-прозаиков, поэтов-драматургов и публицистов, конца XVIII — начала XIX веков. На страницах последнего я прочитывал в школьные лета торжественные оды Ломоносова, Державина и непомерно громоздкие вирши Тредиаковского, стихотворные эпические драмы по мотивам русской истории Сумарокова, назидательного «Недоросля» Фонвизина, стихи и переводы Жуковского и Гнедича, прозу раннего Карамзина (меня трогала душещипательно-сентиментальная и романтическая «Бедная Лиза» и захватывал детективно интригующий «Остров Борнхольм») и даже, помимо басен (думаю, из-за отсутствия на то время в деревне иного чтива), малопонятные выпуски «Почты духов» Крылова.

С особым интересом знакомился с путешествиями в разные уголки Земли. Читал и перечитывал о странствиях Одиссея Гомера, просветительские книжки о плаваниях в неведомые страны Афанасия Никитина и Васко да Гама, об экспедициях Пржевальского и Миклухо-Маклая, беллетризованные записки кого-то из польских писателей «В девственных лесах Амазонки», рассказы о мореплавателях во льды Арктики и Антарктики. Досадовал при чтении фатальных неудач экспедиций Седова, радовался чудесам везения дрейфа

странной конструкции корабля «Святой Фока» Нансена. А трагедия похода на Южный полюс Скотта не дает покоя до сих пор несправедливостью судьбы самоотверженного странника.

Всё это сказано, чтобы перейти к разговору об окольных путях жизни и грёзах молодого человека с Дона. Возникла мечта побывать в иных странах, о которых читал. Но как исполнить желанное? В голову пришла наивная для крестьянского сына идея — надо стать дипломатом, что и должно открыть прямой путь в любую, по желанию, страну. Поэтому первый письменный запрос был послан не куда-нибудь, а понимаю теперь, в небесно недоступное для провинциалов учебное заведение — в приёмную комиссию Института международных отношений. Полагаю, что там немало подивились и повеселились, прочитав запрос из колхозно-совхозного края юга России. Однако ж в школу станицы Глазуновской почта исправно доставила увесистый пакет с документами, поясняющими, что ожидает меня. Пришлось навсегда расстаться с первой из детских грёз — меня не прельстила перспектива с головой погрузиться в изучение иностранных языков, до коих я, признаться, не был особо охоч.

— А что давала колхозная школа послевоенных времён?

— Школа станицы Глазуновской помогала личностному становлению детей всеми возможными силами и средствами. Тому способствовал превосходный коллектив учителей, сформированный из беженцев оккупированных немцами республик и областей. Они старались раскрыть творческие способности учеников не только в плановые учебные, но и во внеклассные часы, а также по воскресным дням, уделяя особое внимание художественной самодеятельности. В школе часто устраивали для жителей станицы литературно-театральные вечера с чтением стихов и постановками костюмированных сцен по мотивам коротких рассказов и пьес русских писателей. Сами учителя, подавая пример, исполняли, помню, сцены из «Женитьбы» Гоголя. Мне до сих пор кажется, что роль Подколесина лучше, чем кто-либо из актеров столичных театров, сыграл мой всегда немногословный, медлительный, увалистого склада учитель труда. Я умирал от смеха, наблюдая как уморительно, сибаритски возлежав на диване, уклонялся от решительного шага обретения невесты закоренелый холостяк.

Особо я благодарен Лидии Сергеевне Китициной, словеснику из Подмосковья, кстати, жене известного археолога В.И. Смирнова, репрессированного, как и мой «заговорщик» — дед по отцу, в окаянные 30-е. Она сдержанно похваливала меня за сочинения и сносно грамотный русский, но поругивала порой за незнание грамматических правил (не любил зубрить каноны, а писал, интуитивно чувствуя текст, слово и гармонию родной речи, за чем скрывалась польза неутихающей страсти чтения). Когда через много-много лет она случайно ознакомилась с одним из творений моего просветительского в популяризации науки пера, то я получил от неё письмо с вопросом: «А не тот ли вы Ларичев, кого я учила литературе в станице Глазуновской?»

Второй учитель, предтеча моих юношеских увлечений — учитель физики и астрономии Петр Леонтьевич Соляник. Он приобрел, когда я учился в 10-м классе, телескоп Максудова, и до сих пор помню в деталях тот вечер полнолуния, когда впервые довелось взглянуть на ночное светило и какую-то из планет (кажется, на Юпитер и его спутники). Решение созрело немедленно — если уж не суждено стать дипломатом, то буду астрономом. Они ведь, наблюдая полные затмения Солнца, путешествуют по всему миру. А мне, помимо Неба и светил, то и надо. Поэтому опять послал запрос в столицу, на сей раз в МГУ, на факультет, который готовит специалистов по астрономии. Ответ снова поверг меня в уныние — надо в совершенстве владеть точными науками, а с ними у меня проблемы, ибо гуманитарий я до мозга костей.

Эти слова и произнес дядя Владимир Кириллович на семейном совете, где было решено положить конец моим странным для деревни метаниям.

По специальности талантливый историк-педагог, он убедил фантазёра, что история для меня подходит более всего. Если так, то лучшее место для получения образования — Ленинградский университет, где преподают высшего класса специалисты, представители ленинградской школы историков, известной масштабностью исследований и мастерством передачи знаний. Это мнение и стало решением родичей, за чем последовал третий запрос, третий ответ и мое первое путешествие через всю страну с юга на север, с Дона — в северную столицу государства, в Ленинград.

Мои университеты

— Значит, все детские грезы пришлось навсегда оставить?

— А вот, представьте себе, совсем и нет! Они, к удивлению моему, позже возродились, чудесным образом преобразились, стали явью и в обыденностях жизни и, главное — в науке. Далее последовали причудливые зигзаги капризной и переменчивой в дарении благостей и невзгод Судьбы. Она, видимо, незримо управляет человеком, чуть подправляет в критические моменты жизненный путь, ориентируя своего подопечного в должном направлении. Быть может, даже для решения некоей научной задачи, назревшей к тому моменту и предназначенной лично для тебя?

— Да полно вам, Виталий Епифанович! Это уже пахнет фатализмом и, простите меня, запредельной мистикой.

— Что поделать, наверное, бремя лет начинает сказываться... Однако ж, судите сами: документы абитуриента вне его воли и желания оказываются в приёмной комиссии Восточного факультета ЛГУ, а секретарь её усиленно убеждает учиться на кафедре «История Дальнего Востока» в группе «История Китая». Он завлекательно рисовал перспективы — провозглашена Китайская Народная Республика, Родине нужны специалисты по всем отраслям знаний для налаживания сотрудничества с дружественным государством. Программа обучения сходна с программой Исторического факультета и, более того,

значительно превосходит её, поскольку мне будут прочитаны специальные курсы по истории и культурам стран Восточной и Южной Азии, а также Ближнего Востока. В перспективе, по окончании учёбы, возможна работа в Китае, быть может, даже в посольстве!

— Кажется, ты об этом мечтал? — усилил соблазны Владимир Кириллович, который присутствовал при разговоре, и у меня не нашлось резона возражать.

— Но вы, однако, археолог, а не дипломат. Отчего же судьба не свершила желанный «дар», а заманчивая мечта так и осталась в области грёз?

— Жизненный путь подправила на сей раз вовсе не мудрая Судьба, а силы, куда более могущественные — сам товарищ Мао Цзедун, а вместе с ним и родное Министерство образования. Оно тогда, как и ныне, мыслило традиционно — шиворот-навыворот. Вождь великого государства после смерти товарища Сталина стал претендовать на роль всемирного лидера коммунистического движения и развернул затяжную идеологическую перепалку с вождями СССР, а новый «правлящий дом» «Чжунго», «Срединного государства», возмутился, что её, «Поднебесную», евразийский сосед вознамерился изучать как некую «колониальную страну», для чего и принялся готовить специалистов по всем отраслям знаний. Эта суцая нелепица, которая, однако, возымела сильное воздействие на чиновничество (Министерство образования предложило «ненужным» китаеведам продолжить обучение на любых иных факультетах ЛГУ), окончательно предопределила крах моих юношеских грёз о дипломатическом поприще, но, как ни странно, возродила в последующем мечту путешествовать по всему белу свету и, что самое неожиданное, специализироваться в астрономии.

— Вы перешли на исторический факультет, куда и хотели поступить вначале?

— Нет, случилось иначе. Группу «История Китая» в составе 18-ти студентов опекали особо декан Восточного факультета Геронтий Валентинович Ефимов и завкафедрой «История Дальнего Востока» Лев Абрамович Березный, видные историки, инициаторы уникального научно-образовательного проекта «Китай и всемирная цивилизация». Они сделали всё, чтобы смягчить, а в конечном счете свести на нет более чем странное распоряжение министерства, которое, видимо, не понимало исключительной важности заблаговременной подготовки специалистов для должного уровня взаимоотношений с великим соседом на восточных рубежах страны в грядущую эпоху. «Группа 18-ти» отказалась в полном составе менять избранную профессию и была, к счастью, поддержана в этом желании руководством факультета. Правильность административной «дерзости неподчинения» московскому образовательному начальству подтвердили судьбы выпускников-историков факультета середины 50-х годов — более половины из них стали докторами разных отраслей исторических наук, влились в кадровый состав академических институтов обеих столиц, стали сотрудниками научных и образовательных учреждений разных регионов страны, в том числе самых отдаленных — среднеазиатских, сибирских

и дальневосточных, выступили организаторами становления в научных центрах востока России своеобразных научных школ, в том числе новой отрасли изучения прошлого народов центрального и восточноазиатского зарубежья — археологического востоковедения.

— Вы представляете его сибирскую ветвь в Институте археологии и этнографии СО РАН. А куда восходят её истоки? Есть ли в результатах исследований представителей новосибирской школы, в том числе ваших лично, то, что коллеги ценят в особенности, склонны воспринимать уважительно и с высоким профессиональным интересом?

— Истоки восходят к тем же годам позорного китаеведческого «погрома» Восточного факультета. Тогда «группе 18-ти» предстояло пройти архивную и археологическую практику. Нам была предоставлена возможность выбрать любой район страны, какой только пожелаем, а поскольку был избран предельно дальний — Приморье, Владивосток (очень хотелось путешествовать, ознакомиться со всей страной сразу — от крайнего запада до крайнего востока), то руководители факультета посоветовали обратиться в Институт истории материальной культуры к Алексею Павловичу Окладникову, который вел тогда исследования в Прибайкалье, Забайкалье и на Дальнем Востоке, в пограничье России с Кореей, Китаем и Японией.

Будущий директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР встретил посланцев ЛГУ с неожиданным для нас интересом и вниманием:

— Китаеведы? Историки? А иероглифы в самом деле умеете читать? Так вы-то как раз и нужны мне! Институт разворачивает масштабные раскопки в Приамурье и Приморье. Нам же необходимо знать детально о результатах исследований китайских археологов в пограничных с нашей страной районах — в Маньчжурии, Внутренней Монголии, а также на западе — в Синьцзяне, соседней с республиками Средней Азии провинции. Так что приглашаю к деловому сотрудничеству...

Наука «форматная» и «неформатная»

— Этот эпизод и определил через несколько лет начало становления в Сибири и на Дальнем Востоке историко-археологических центров востоковедения во главе с выпускниками «группы 18-ти». Что касается Академгородка, то решающий импульс формирования такого подразделения в Институте истории, филологии и философии СО АН придал визит в Новосибирск Алексея Николаевича Косыгина после драматически унижительных для премьера переговоров в аэропорту Пекина с Чжоу Эньлаем, ближайшим соратником Мао. Он не удостоил его, как положено по дипломатическим канонам, элементарной межгосударственной вежливости, приёма в резиденции правительства. Удрученный неудачей уладить конфликт, Алексей Николаевич призвал Сибирское отделение Академии наук организовать научно-образовательный

и консультативно-просветительский центр изучения Китая, близкого соседа столицы Сибири, что и было незамедлительно исполнено руководством Президиума.

Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока и Комиссия по востоковедению Сибирского отделения стали организационным ядром востоковедных исследований на всей территории Зауралья. Тематика исследований сектора охватывала огромный хронологический период — от истории Советов в Китае и создания компартии в 20-е годы прошлого века до древнекаменного века всего восточноазиатского региона — Китая, Монголии, Кореи и Японии. На мою долю выпало последнее, а дополнительно — история народов Приамурья и Приморья в эпоху первобытности и средневековья по материалам летописных хроник Китая и археологических изысканий.

Результатом почти 40-летней работы сектора стали выход в свет 40 томов серийного издания «История и культура Востока Азии», в их числе публикация подлинных историко-культурных жемчужин, первоисточников по истории кочевых государств степного, пустынного и горно-таежного пограничья Северного Китая, юга Сибири и русского Дальнего Востока — летописных хроник «Железной», «Золотой» и «Небесной» империй, соответственно, — киданей, чжурчженей и монголов, веками противоборствующих с «Поднебесной». Осенью этого года выйдет в свет хроника начальной поры становления маньчжурской династии Цин, наследницы «Золотой империи» чжурчженей.

— Я понимаю это так — вам удалось утолить жажду путешествовать по миру, но посредством мысленно воображаемого странствия по историко-культурным эпохам событий на просторах Средней и Восточной Азии?

— Удалось, но не только воображаемо, но и вполне реально, пространственно, в странствиях. В течение полутора десятков лет мне посчастливилось участвовать в экспедиционных исследованиях на территории Монгольской Народной Республики и неоднократно пересечь в маршрутах территорию её с севера на юг и с востока на запад. Я по долгу научной службы побывал в Северной Корее и в США, совершив при том почти полное кругосветное путешествие. Участвовал в работе Всемирного конгресса археологов в Ницце, вел в течение многих лет раскопки на юге Средней Азии, в Прибайкалье, Забайкалье, в Приамурье и Приморье, а также на юге Западной Сибири. Так что в этом отношении грех жаловаться. Мечта осуществилась вполне достойно и без обретения заманчивого статуса дипломата, как грезилось по деревенской наивности 60 лет назад.

— Какие из сделанных за это время открытий представляются вам в особенности дорогими лично для себя и воспринимаются значимыми для сибирской археологической науки специалистами?

— Дорого и значимо, видимо, из-за непривычной по силе остроты ощущения, конечно же первое — когда удалось решить загадку восстановления имени выдающегося полководца «Золотой империи», кому был поставлен грандиозный погребальный памятник вблизи современного города Уссурийска (стела с иероглифическим текстом жизнеописания оказалась уничтоженной в древности). Головоломная разгадка потребовала кропотливых разысканий в летописях, посвящённых истории чжурчженей, и детективных поисков в архивах Владивостока, Хабаровска и Ленинграда документов тех, кто изучал безымянный памятник до меня. В ходе последних удалось, помимо прочего, обнаружить «потерянные» дневники выдающегося востоковеда XIX в. Палладия Кафарова, руководителя Пекинской православной духовной миссии, который осуществил первую археолого-этнографическую экспедицию в Южно-Уссурийский край, только что вошедший в состав России, осматривал величественный погребальный холм знатного средневекового воина и раздумывал над тем, что несказанно волновало и меня в студенческие годы через 80 лет после того.

Древнекаменный век — фундаментально важная для меня тема во всей полувековой научной деятельности. Аспекты её были разными на протяжении нескольких десятилетий, а сущностные акценты неоднократно менялись и зависели от превратностей жизненных обстоятельств. «Звёздный час», правда, шумно скандальный, связанный с открытиями в этой сфере, пришелся на конец 70-х годов прошлого века, когда я начал раскопки поселения Малая Сья в Северной Хакасии. Они неожиданно для всех удревнили начало освоения Сибири Homo sapiens примерно на 10 тыс. лет, чем предполагалось прежде (событие это вышло за пределы 30 тыс. лет!), а сама культура весьма озадачила очевидной, кажется, невероятностью — наличием своеобразных, изготовленных из камня предметов искусства. Обнаружение таких не предполагалось в Сибири, как считалось, медвежье глухой периферии расселения «людей разумных» Евразии.

Возбудившая негодование авторитетов хронология памятника, а в особенности — нетривиальная интерпретация образов древнейшего в Азии искусства дорого стоили мне. Раскопки Малой Сьи были насильственно прерваны, памятник и материалы его скомпрометированы, и у меня нет никакого желания вдаваться в детали научной драмы хотя бы потому, что теперь такого же возраста стоянки стали известны в других регионах Сибири, а при раскопках их тоже удалось обнаружить предметы искусства. Нет желания еще и потому, что, как историограф палеолита знаю, с какой иезуитски изворотливой неприязнью воспринимало научное сообщество XIX и начала XX веков каждый новый шаг в «дико-варварское» прошлое человечества, которое вовсе не было таким уж диким. Героям и жертвам отошедших в прошлое научных трагедий я посвятил несколько книг, но теперь хотелось бы переписать их поучительные биографии заново, сделав повествования прочувствованнее, с учётом личного горестного опыта.

Из других, особо приятных для себя достижений, я бы упомянул открытие в Хакасии скального храма раннего железного века с многофигурными картинами героического эпоса. Они удревели это выдающееся культурное явление, свидетельство начала формирования ранней государственности у народов юга Сибири, почти на тысячу лет (II век до н.э., а не VII — VIII н.э., как считалось ранее).

Но по настоящему судьбоносным считаю редкостную удачу раскопок Ачинской стоянки в начале 70-х годов. Древность памятника восходит к 19 тыс. лет от наших дней. В пределах его удалось обнаружить загадочного назначения сооружение из костей вымерших животных, очаги, которые отапливались каменным углем (!) и, главное — предмет искусства, изготовленный из бивня мамонта, жреческий «жезл», «украшенный» двумя спиральными лентами. Они заключали в себе более тысячи луночек, числовых знаков, образующих остроумную арифметическую систему счисления времени лунными трёхлетиями. С тех пор я стал представителем «неформатной археологии», «непопулярной научной традиции», которую неудобный для авторитетов основатель её, князь Павел Арсеньевич Путятин, назвал в середине 80-х годов XIX века астроархеологией или, в ином варианте, космической археологией, в чём был поддержан выдающимся популяризатором астрономии Фламарионом.

— Догадываюсь по словам «неформатная и звездная археология», что это открытие возродило мечту заняться астрономией?

— Правильно, а с нею началось формирование коллектива единомышленников из астрономов, математиков, геометров и геодезистов. Теперь совместными усилиями решаем в поле, где обнаружили астрономические обсерватории и астросвятылища, сложнейшую проблему становления протонаук в культурах Северной, Центральной и Средней Азии.

— Да, очевидно, такой неординарности, сложности и «неформатности» исследования первобытности, конечно же, требуют привлечения высочайшей квалификации специалистов как в гуманитарных, так и точных науках, то есть работы на стыке разных категорий знаний, где обычно и случаются открытия. Но как вам в этой связи либеральные реформации отечественных науки и школы?

— Первые «люди разумные» Сибири — охотники на мамонтов — осознавали необходимость бережного сохранения жречества, клана интеллектуалов, мозгового центра культуры. Они, судя по множеству выявленных фактов, старательно поддерживали эту традицию десятки тысячелетий, не считаясь ни с какими трудностями и затратами скудного «бюджета» ледниковой эпохи. Однако господа Фурсенко, Ливанов, Голодец и деятели гайдаровской Высшей школы экономики, видимо, не понимают значимости академий. Потому считаю бессмысленной затеей увещевать циничных могильщиков разума. А на ваш

вопрос отведу краткой стихотворной репликой Андрея Дементьева,
поясняющей печальную реальность современного бытия страны:

*Я пришёл из минувшей эпохи.
И прогнозам моим вопреки
В этом веке по-прежнему плохи
И дороги, и дураки...*

Беседовал Ю. Плотников, «НВС»
фото В. Новикова

стр. 10-11